

ИЗ ЧЕГО СДЕЛАНЫ ШТАНЫ ИМПРОВИЗАТОРА

Историко-культурная генеалогия эпитафия

к первой главе «Египетских ночей»¹

На нем был черный фрак, побелевший уже по швам; панталоны летние (хотя на дворе стояла уже глубокая осень); под истертым черным галстуком на желтоватой манишке блеснул фальшивый алмаз; шершавая шляпа, казалось, видала и ведро и ненастье. Встретясь с этим человеком в лесу, вы приняли бы его за разбойника; в обществе — за политического заговорщика; в передней — за шарлатана, торгующего эликсирами и мышьяком.

Александр Пушкин.
Египетские ночи (VIII, 251).

Мама сшила мне штаны,
Из березовой коры...

Глухая детская песенка.

1

Французский эпитафия к первой главе незаконченной повести Пушкина «Египетские ночи» (1835; публ. 1837), — наверное, один из самых известных эпитафий в истории русской литературы (его не только часто цитируют в русском переводе как остроумное афористическое высказывание, применимое к разным обстоятельствам, но его отголоски исследователи находят в произведениях нескольких авторов начала XX века — Саши Черного, Владимира Маяковского и Вадима Шершеневича, — спора о том, кто у кого первым «украл» пушкинские штаны²):

— *Quel est cet homme?* — На, c'est un bien grand talent, il fait de sa voix tout ce qu'il veut. — *Il devrait bien, madame, s'en faire une culotte.*

---

¹ Благодарю Ксану Бланк, Алексея Балакина, Эндрию Вахтеля, Андрея Добрицына, Всеволода Зельченко, Екатерину Лямину, Игоря Пильщикова и Марианну Тайманову за ценные замечания.

² См.: Харждиев Н. И. Заметки о Маяковском. [Каламбур маркиза Бьевра] // Литературное наследство. М., 1958. Т. 65: Новое о Маяковском. С. 401; Маяковский В. В. Полн. собр. произведений: В 20 т. М., 2013. Т. 1. С. 462—463 (примеч. Р. В. Дуганова и А. Т. Никитаева).

В пушкинских изданиях XIX века, начиная с первой публикации повести в «Современнике» 1837 года, этот эпиграф печатался без перевода. Первый русский перевод, насколько нам известно, датируется 1901 годом (начиная с этого перевода «с'est un bien grand talent, il fait de sa voix tout ce qu'il veut» передается как «из своего голоса»; альтернативный перевод — «с помощью своего голоса», «своим голосом»):

Что за человек? — А! это очень большой талант: он делает из своего голоса все, что захочет. — «Не дурно было бы ему, сударыня, сделать из него себе панталоны».³

Иной (вольный) перевод предложил Павел Новицкий в ленинградском издании «Египетских ночей» 1927 года (в его переводе «тонкая материя» согласования слов передана как «делает со своим голосом», а не «из своего голоса»):

«Кто этот человек?» — О, это большой талант: он делает со своим голосом все, что захочет. — «Он должен был бы, мадам, на основании его создать себе независимость».⁴

«Штаны» как «неудавшаяся» трансформация голоса исполнителя появились в пушкинских изданиях повести только в середине 1930-х годов (французское «culotte», как известно, обозначает короткие, выше колен, штанишки, которые носила французская знать XVIII века, — термин, тесным образом связанный с историей Великой французской революции, которую вполне можно назвать единственной революцией, вышедшей из-за штанов).⁵ Свою каноническую форму перевод эпиграфа приобрел в четвертом томе Полного собрания сочинений Пушкина 1934 года и с тех пор, утратив историко-культурную связь с французским аристократическим костюмом, печатается и цитируется в следующем виде:

— Что это за человек? — О, это большой талант; из своего голоса он делает все, что захочет. — Ему бы следовало, сударыня, сделать из него себе штаны.⁶

³ Пушкин А. С. Соч. / С объяснениями их и сводом отзывов критики. Изд. Льва Поливанова для семьи и школы. М., 1901. С. 621.

⁴ Пушкин А. Египетские ночи. Л., 1927. С. 9.

⁵ См. статью «Кюлоты» в: Кирсанова Р. М. Костюм в русской художественной культуре 18 — первой половины 20 в.: (Опыт энциклопедии). М., 1995. С. 149.

⁶ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. / Под ред. Демьяна Бедного, А. В. Луначарского, П. Н. Сакулина, В. И. Соловьева, М. А. Цявловского

В комментариях М. А. Цявловского к «Египетским ночам» в четвертом томе шеститомного Полного собрания сочинений Пушкина издательства «Academia» 1936 года источником французского эпиграфа назван «Альманах каламбуров» («*Almanach des calembourgs*») 1771 года знаменитого остроумца маркиза Бьевра (Georges Mareschal, marquis de Bièvre; 1747—1789).⁷ Между тем, как справедливо заметил в своей превосходной статье 2008 года Андрей Добрицын,⁸ в шутке Бьевра упоминаются не штаны (кюлоты, бриджи), а савойские пирожные. По мнению исследователя, скорее всего, источником пушкинского эпиграфа стал анекдот о бедном музыканте, напечатанный в сборнике «*Le Petit Conteur de poche*» (1818) и в четырехтомном собрании «*Choix d'anecdotes anciennes et modernes*» (последнее из пяти изданий вышло в 1828 г.):

Un musicien assez malvêtu disait, en parlant de sa voix, dont quelqu'un fai-sait l'éloge: "Il est vrai que j'en fais ce que je veux. — Ma foi, Monsieur, lui dit un plaisant, vous devriez bien vous en faire une culotte."⁹

Почти в том же виде, указывает исследователь, этот анекдот приводился и в «Сборнике анекдотов» на французском языке, вышедшем в Москве в 1795 году.

По мнению Добрицына, привлекая внимание Пушкина шутка имеет эпиграммическое происхождение (в пример приводятся стихотворения, «разрабатывающие мотив нищего художника», от эпиграммы «*A un musicien*» поэта XVII века Ла Жиродьера, в которой хвастливому музыканту предлагается сделать из своего голоса хорошую рубашку («*un bon manteau*»), до опубликованного в 1811 году

и П. Е. Щеголева. М., 1934. Т. 4. С. 522. В подготовленном Д. Д. Благим издании «Избранной прозы» Пушкина 1935 года приводится следующий перевод эпиграфа: «— Что это за человек? — О, это большой талант; из своего голоса он делает все, что захочет. — Ему бы следовало, сударыня, сшить из него себе штаны» (Пушкин А. С. Избранная проза. М., 1935. С. 294).

⁷ См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. М.; Л, 1936. Т. 4 / Под ред. М. А. Цявловского. С. 744.

⁸ См.: Добрицын А. Об эпиграфе к I главе «Египетских ночей»: История мотива // Русская почта. 2008. № 1. С. 5—15. Вошло в кн.: Добрицын А. Вечный жанр: Западноевропейские истоки русской эпиграммы XVIII — начала XIX века. Bern, 2008. С. 486—495.

⁹ *Bailly A. D. Choix d'anecdotes anciennes et modernes. Paris, 1828. T. 1. P. 161*; перевод: «Весьма дурно одетый музыкант, говоря о своем голосе, заслужившем чью-то похвалу, заметил: "Это так: я делаю с ним все, что захочу". — "Право, сударь, — отвечал ему шутник, — тогда Вам следует сделать себе кюлоты"».

в «*Almanach des Muses*» восьмистишия А. Муфля младшего, из Шартра, адресованного бедному итальянцу, которому остроумец советует шить себе из голоса штаны; классическим прообразом этой остроты Добрицын считает эпиграмму Марциала, в которой приводится упрек поэту за то, что у того плохой плащ («*Quidam me mode, Rufe, dilingeter...*»)¹⁰.

В итоге Добрицын приходит к выводу, что «генеалогия приглянувшегося Пушкину *bon mot* восходит не к окказиональному каламбуру де Бьевра, а наследует долгой традиции сатирических эпиграмм, завершившейся светским анекдотом».¹¹

2

В настоящей статье мы хотели бы расширить круг потенциальных текстуальных и идеологических источников пушкинского эпиграфа, уточнить генеалогию дошедшей до русского поэта французской остроты и предложить социокультурную интерпретацию последней в контексте его творчества. Коротко говоря, как нам представляется, эта острота не имеет прямого отношения к стихотворной сатире и эпиграмме, но опирается на прозаическую юмористическую традицию XVII—XVIII веков, включающую многочисленные шутки о панталонах незадачливых музыкантов, в свою очередь восходящие к ренессансным фациям и итальянской комедии масок.

В самом деле, шутка о штанах бедного хвастливого музыканта встречается во французских сборниках острот с середины XVII века и приобретает свою каноническую форму в знаменитом «Словаре Треву» («*Dictionnaire de Trévoux*» = «*Dictionnaire universel françois et latin*»; с 1704 по 1771 г. вышло шесть изданий) — издании, хорошо известном в России, — и популярном «Новом словаре анекдотов, или Искусстве от скуки» (полное название: «*Nouveau dictionnaire d'anecdotes, ou L'art d'éviter l'ennui, contenant une collection nouvelle et intéressante de traits curieux, historiques, littéraires, politiques, moraux, critiques, satyriques, tragiques et comiques, sans aucune indécence, pour l'ornement de l'esprit & de la mémoire des lecteurs de toutes les conditions*») Франсуа Лемарье (пять изданий с 1783 года;¹² в 1808 году вышло еще одно издание этой книги). Любопыт-

¹⁰ Добрицын А. Вечный жанр. С. 495.

¹¹ Там же.

¹² См.: *Lemarié F.* Auteur de plusieurs ouvrages dont un «*Nouveau Dictionnaire d'anecdotes*» (1re éd. en 1783) // <https://catalogue.bnf.fr/ark:/12148/cb12230752k>; дата обращения: 12 августа 2020.

но, что в ранних случаях использования этого анекдота содержится упоминание слушательницы («madame» у Пушкина):

Un Musicien se vantant de faire de sa voix ce qu'il vouloit, une Demoiselle qui le vit fort mal habillé lui dit de s'en faire une culotte.¹³

Un Musicien se vantant de faire de sa voix ce qu'il vouloit, une Demoiselle, qui le vit fort mal habillé, lui dit, de s'en faire une Culotte.¹⁴

Un Musicien se vantant de faire de sa voix tout ce qu'il vouloit, une personne qui le vit fort mal habillé, lui dit de s'en faire une culotte.¹⁵

Un Musicien assez mal vêtu, disoit, en parlant de sa voix dont quelqu'un faisoit l'éloge: il est vrai que j'en fais ce que je veux. Ma foi, Monsieur, lui dit, un plaisant, vous devriez bien vous en faire une culotte.¹⁶

Un mauvais musicien, fort mal habillé, se vantant de faire de sa voix tout ce qu'il vouloit, quelqu'un lui dit: faites-vous en une culotte; car la votre est bien usée.¹⁷

Un musicien assez mal vêtu disoit en parlant de sa voix, dont quelqu'un faisoit l'éloge: Il est vrai que j'en fais ce que je veux. *Ma foi, monsieur, lui dit une dame, vous devriez bien vous en faire une culotte.*¹⁸

---

¹³ Bruillard Coursan C. D. La Bibliothèque des auteurs. Paris, 1697. P. 431; перевод: «Музыкант хвастается тем, что может сделать из своего голоса все что захочет; молодая дама, заметившая, как он плохо одет, предложила ему сделать себе кюлоты».

¹⁴ Recueil von allerhand Collectaneis und Historien auch moral-curieux-critic-und lustigen satyrischen Einfällen zu Entretenirung einer galanten Conversation: XV—XXIV. Hundert, 1721. Bd 2. S. 32.

¹⁵ Dictionnaire universel françois et latin. Paris, 1771. T. 4. P. 22.

¹⁶ Laporte J. de. Magazin récréatif, pour servir de ressource contre l'ennui, choix d'anecdotes curieuses et intéressantes et de bons mots, par l'abbé de la Porte. Amsterdam, 1771. T. 2. P. 18. Похоже, что к этому изданию восходит форма анекдота, указанная Добрицыным (со ссылкой на последнее издание «Choix d'anecdotes, anciennes et modernes», 1828). Эта же острота включена в «L'Art de désopiler la rate» (1773) (см. примеч. 9).

¹⁷ Cotolendi Ch. Arliquiniana, ou jeux de mots de Dominique et autres. Paris, 1801. P. 27; перевод: «Плохой музыкант, весьма дурно одетый, хвалится, что может сделать своим голосом все, что захочет. Некто ответил ему: сделай с его помощью себе кюлоты, твои уж больно износились».

¹⁸ Cousin d'Avallon Ch.-Y. Féminaëana, ou, la Langue et l'esprit des femmes: recueil des ruses, bons-mots, naïvetés, saillies, reparties ingénieuses, etc. etc. du beau sexe. Paris, 1801. P. 112—113; перевод: «Довольно бедно одетый музыкант сказал о своем голосе, вызвавшем чью-то похвалу: Я действительно могу сделать с ним все, что захочу. "Хм, сударь, — ответила ему одна дама, — Вам нужно сделать себе с его помощью кюлоты"».

О популярности этого анекдота во французской традиции вплоть до второй половины XIX века свидетельствует тот факт, что он был включен в статью «Anecdotes (abus de mots)» в первом томе «Большого универсального словаря XIX века» («Grand Dictionnaire universel du XIXe siècle») Пьера Ларусса (1866):

Un homme qui se piquoit d'avoir la voix belle, se présenta à Lully pour entrer à l'Opéra; il avoit un habit usé & déchiré <...> sa culote bientôt alloit tout révéler. Il dit à Lully qu'il faisoit de sa voix tout ce qu'il vouloit. Hé morbleu, lui dit Lully, avec cette belle voix commencés <sic!> donc par vous faire une culote.¹⁹

Эта шутка также представлена во множестве английских (и потом американских) сборников анекдотов конца XVIII — первой половины XIX века. Например:

FOOLISH BOASTER, A HINT THAT HE LIED

A vocalist of our own nation, who *thought* he could sing as well as Braham or Incledon, happening to be complimented on the power of his voice, when treating a private company with a stave or two, his vanity seemed at its height, when he expressed his acknowledgments, adding that he could make anything of his voice. One of the party who had observed the meagre appearance of his dress, ventured the hint, that he had make a *good* pair of breeches of it.²⁰

Одно из первых использований этого анекдота в английской традиции мы находим в книге о практике и теории французского языка 1756 года:

---

¹⁹ Larousse P. Grand Dictionnaire universel du XIXe siècle. Paris, 1866. Т. 1. Р. 40; перевод: «Один человек, гордившийся своим прекрасным голосом, предстал перед Люлли, надеясь получить ангажемент в Опере; у него было изношенное и порванное платье <...> его кюлоты в скором времени грозили обнародовать все свои тайны. Он сказал Люлли, что может делать со своим голосом все, что захочет. “Черт возьми! — воскликнул Люлли. — почему бы вам с вашим прекрасным голосом прежде всего не сделать себе кюлоты?”»

²⁰ The Sidney Anecdotes: Selected from History, Ancient and Modern. London, 1834. Р. 148; перевод: «Гупый хвостун. Намек на его ложь. Один вокалист из нашего народа, полагавший, что умеет петь так же хорошо, как Брэхем и Инклюдон, был удостоен похвалы за силу своего голоса, когда угощал одну небольшую компанию парочкой мелодий. Его тщеславие, казалось, находилось в самом зените, когда он поблагодарил публику, добавив, что может сделать все что угодно из своего голоса. Один из слушателей, заметивший убогий вид его платья, осмелился намекнуть ему, чтобы он сделал из своего голоса хорошие бриджи».

A person hearing a very shabby singer boast, that he could do what he would with his voice, bid him then make himself a pair of breeches with it.

Un musicien se vantant de faire de sa voix tout ce qu'il vouloit, une persone qui le vit fort malhabillé, lui dit de s'en une culotte.²¹

Совершенно очевидно, что в английскую юмористическую традицию шутка о штанах музыканта пришла из Франции.

3

История этой остроты в литературе — история ее различных культурно-институциональных конкретизаций и модернизаций. По мнению Добрицына, в 1765 году П. Ганну переработал старинную эпиграмму Ла Жиродьера о музыканте в эпиграммическую сказку о знаменитом композиторе, создателе французской национальной оперы Ж.-Б. Люлли (1632—1687) и докучавшем ему неудачнике-петиметре. Между тем Ганну ориентировался в своем стихотворении, скорее всего, не на поэта-эпиграммиста XVII века, а на приведенный нами выше популярный в первой половине XVIII столетия анекдот о Люлли, цитировавшийся в издании «Библиотека придворных людей» («Bibliothèque des gens de cour») 1732 года.²²

С генеалогической точки зрения, ссылка на Люлли является неслучайной: в первой половине XVIII века абстрактный музыкальный анекдот непосредственно соотносился с парижской оперой (и господствовавшей итальянской оперной школой — тема истинного мастерства и профессиональной экспертизы). Эта оперная «привязка» анекдота сохранилась надолго. В английских сборниках анекдотов конца XVIII — начала XIX века в роли остроумца, срезающего шуткой заносчивого дилетанта, выступает знаменитая английская певица итальянского происхождения Нэнси Стораче (1765—1817):

At a late musical meeting in the country, a vocal performer, who was shabbily dressed about the small clothes, being complimented on

---

²¹ Ozinde J. B. The Theory and Practice of the French Tongue. London, 1757. P. 265; перевод: «Один человек, услышав, как некий хваленый певец хвастается, что может сделать что захочет со своим голосом, предложил ему сделать себе голосом бриджи (кюлоты)».

²² Gayot de Pitaval F. Bibliothèque des gens de cour, ou mélange curieux des bons mots d'Henri IV, de Louis XIV, de plusieurs princes et seigneurs de la Cour et autres personnes illustres. Paris. 1732. Vol. 5. P. 80.

the power of his voice, vainly tossed up his head, and replied, “O, Lord, I can make any thing of it.” — “Can you, indeed?” said Signora Storace, “why then I’d advise you to make a pair of breeches of it.”²³

В свою очередь, итальянский «след», представленный в этой остроте, указывает, как мы полагаем, на ее национально-литературные истоки. Действительно, шутка о голосе и штанах присутствует в сборниках итальянских фацеций:

IL CANTANTE PADRONE DELLA SUA VOCE

Un vecchio cantante sommamente povero e lacero, volendo far mostra della sua abilità, disse un giorno in seno ad una comitiva: “Amici, sappiate che nel canto io non soglio trovare alcuna difficoltà, perciocché la mia voce, non fo per vantarmi, ho così obbediente da poterne fare quello che voglio.” Uno di quelli che si trovavano presenti, molto scaltro e faceto, gli rispose: “Quand’è così, mio caro, potreste farvene un paio di pantaloni; voi ne avete ben di bisogno, mi pare!” È inutile il dire quale effetto produsse sull’animo di quel povero cantante un motto così pungente.²⁴

Эту шутку о хвастуне («Un millantatore») мы находим в стихотворении поэта XVIII века Доменико Балестриери (Domenegh Balestree, 1714—1780), написанном на миланском диалекте:

LA SUPERBIA IN DI SBIOCCH L’È PU RIDICOLA

On musegh el portava
On vestii frust e di calzon ben lis.
Benchè insci mal in orden e insci sbris.
Con boria el se vantava

²³ The London Budget of Wit, Or, A Thousand Notable Jests. London, 1817. P. 12; перевод: «На одном прошедшем у нас музыкальном собрании некий потертый и дурно одетый певец, выслушав похвалу своему сильному голосу, ответил, тщеславно закинув голову: “О Господи, я могу делать из него все, что захочу!” — “Действительно?” — спросила синьора Стораче. — Тогда я бы вам посоветовала сделать себе из него бриджи».

²⁴ La Guida del Maestro Elementare Italiano e dell’Educatore. Torino, 1874—1875. P. 117—118; перевод: «Певец, хозяин своего голоса. Очень бедный и оборванный старый певец, желая показать свои таланты, однажды сказал в собрании: “Друзья, знайте, что я в пении не ведаю никаких трудностей, потому что мой голос (я не хвастаюсь) так мне послушен, что я могу делать им все, что хочу”. Один из весьма пронзительных и насмешливых гостей ответил: “Если это так, мой милый, сделай-ка себе им панталоны; они, я полагаю, тебе очень нужны!” Стоит ли говорить, как поразила сия острота душу бедного певца».

De maneggià la vos con tant possess
De fann quell che'l voress:
Ebben, diss on buffon,
Serviven de fà on para de colzon.

[La superbia degli spiantati è più ridicola: Un musico indossava un vestito consunto e certi calzoni lisi lisi. Così male in arnese e squattrinato, pure si vantava con boria di sapersi servire della voce con tanta maestria da cavarne ciò che volesse — Ebbene — gli disse un buffone — servitevene per farvi un paio di calzoni].²⁵

Шут-остроумец, упоминающийся в этом стихотворении, — это не кто иной как знаменитый доктор Баланцони (Balanzoni) — традиционный персонаж итальянской комедии масок. Ср. в другом стихотворении «Il Cantante padrone della sua voce», посвященном хвастливому исполнителю:

Un amator di musica
Bravissimo nel canto,
Ma sommamente povero
E lacero altrettanto,
Di trilli arcidifficili,
Di rapidi passaggi
In pubblica accademia
Dando lodati saggi,
Dicea: nissun ostacolo
Io paventar mai soglio;
La voce ho ubbidientissima,
Ne faccio quel che voglio.
Quand'è così risposegli
Il dottor Balanzoni,
Non potreste Voi farvene
*Un paio di calzoni.*²⁶

²⁵ *Balestrieri D. Rime milanesi di Domenico Balestrieri a sua eminenza il signor cardinale. Milano, 1795. P. 7; то же: Balestree D. Collezione delle migliori opere scritte in dialetto milanese. Milano, 1816. Vol. 5. P. 35; перевод: «Смешное высокомерие нищеврода: Один музыкант ходил в изношенном костюме и потертых штанах. Неумелый и без гроша в кармане, он тем не менее гордо хвастался, что умеет делать из своего голоса все что захочет. “Хорошо, — ответил ему один шутник, — используй его для того, чтобы сделать себе штаны”».*

²⁶ *Rime piacevoli di un Toscano. 2. ed. con aggiunte. Como, 1836. P. 12—13; перевод: «Любитель музыки, очень хорошо умевший петь, но чрезвычайно бедный и потертый, услышав в профессиональном собрании похвалы за сверхсложные (диффузные) трели и быстрые переходы, сказал: “Я никогда не боялся каких-*

Таким образом, из анекдотических запасов итальянских фаворитов и комедии масок музыкальная шутка попала сперва в контекст французского музыкального барокко и классицизма (Опера), а затем в многочисленные сборники анекдотов, острот и эпиграмм XVIII века, связанные с быстро развивавшейся культурой салона. В последней она приобрела новые коннотации, оказавшиеся, как мы увидим, значимыми для Пушкина и читателей его эпохи.

Прежде всего, здесь становятся важными сами штаны, тесным образом связанные во французской традиции, как недавно показал Майкл Соненшер, с культурой женского патронажа. По обычаю, идущему от салона Клодины Александрины Герен де де Тансен (Claudine Alexandrine Guérin de Tencin), избранные участники кружка — артисты и философы — получали от хозяйки на новый год сукно для «кюлотов» — знак ее признания, заботы и, соответственно, социального статуса. Те же, кто не имел покровительниц или не заслужил их внимания, оказывались в прямом смысле слова бесштанниками, то есть санкюлотами (именно из этого контекста Соненшер выводит историю слова «санкюлот»)²⁷ В 1780-е годы оставшиеся (или демонстративно решившие остаться) «без штанов» творческие интеллигенты приняли эту пейоративную кличку как знак своей независимой идентичности (непродажного таланта).

Интересно, что со штанами, полученными по дамской протекции, связана, по преданию, и карьера молодого Бонапарта, попросившего — со свойственным этой личности «итальянским бесстыдством» — госпожу Тальен о содействии в получении сукна на панталоны, полагавшегося тогда только действующим офицерам: «Он явился как отставленный офицер, обносившийся, у которого, как он уверял не было даже панталон. <...> ...г-жа Тальен засмеялась и поддержала его просьбу. Сшив себе панталоны, он втерся в салоны, в особенности к г-же Тальен, — салон смешанный, где мало-помалу начинали преобладать аристократы».²⁸

4

Эта традиция кюлотно-панталонного патронажа (от г-жи Тенсин до г-жи Тальен) была хорошо известна Пушкину. В повести

либо препятствий; мой голос подчиняется мне так, что я могу делать с ним все, что хочу". На это доктор Баландини отвечал: "Ты даже не смог сделать себе пару кальсон"».

²⁷ Sonenscher M. *Sans-Culottes: An Eighteenth-Century Emblem in the French Revolution*. Princeton (NJ), 2008. P. 57–70.

²⁸ Мишле Ж. История XIX века: Директория. Происхождение Бонапарте. СПб., 1883. Т. 1. С. 307.

«Египетские ночи» Чарский горделиво ссылается на историческую независимость русских поэтов-дворян, которым якобы не нужны покровительство и подачки меценатов.²⁹ Возможно, что Пушкину известна была энциклопедическая статья Ю. Одифре (H. Audiffret) «Bureaux d'esprit» о французской салонной культуре, опубликованная в девятом томе популярного «Словаря для беседы и чтения» («Dictionnaire de la conversation et de la lecture») в 1833 году и включавшая в себя рассуждения о трансформации темы дареных «клюотов» в современной социально-литературной традиции, развивающейся в иных институциональных условиях:

Quel est aujourd'hui l'homme de lettres, le savant, fût-ce même un des poètes *sans-culotte* de 1793, qui ne rougirait pas de vendre ses hommages, son tribut d'admiration pour une *culotte*? le bel esprit, même l'esprit naturel, ne suffiraient pas aujourd'hui pour réussir: il faut y joindre l'instruction et savoir traiter les objets les plus graves sur le ton de l'agrément et de la légèreté. Il n'y a donc plus de *bureaux d'esprit*; mais il existe des coterie littéraires qui portent différents noms.³⁰

Соблазнительно также посмотреть на французский эпиграф к первой главе «Египетских ночей» в контексте современной Пушкину французской романтической идеологии, противопоставлявшей творческую свободу утилитарности и меркантилизму нового буржуазного общества. Мы прежде всего имеем в виду программное («парнасское») предисловие Теофиля Готье к роману «Мадемуазель де Мопен» («Mademoiselle de Maurin»), опубликованное в Париже в том же 1835 году, когда Пушкин работал над «Египетскими ночами» (о тематическом пересечении «египетской темы» у Пушкина и Готье много писалось):

²⁹ «Звание поэтов у нас не существует. Наши поэты не пользуются покровительством господ; наши поэты сами господа, и если наши меценаты (черт их побери!) этого не знают, то тем хуже для них. У нас нет оборванных аббатов, которых музыкант брал бы с улицы для сочинения libretto. У нас поэты не ходят пешком из дому в дом, выпрашивая себе вспоможения. Впрочем, вероятно вам сказали в шутку, будто я великий стихотворец. Правда, я когда-то написал несколько плохих эпиграмм, но, слава богу, с господами стихотворцами ничего общего не имею и иметь не хочу» (VIII, 266).

³⁰ Dictionnaire de la conversation et de la lecture. Paris, 1833. Т. 3. P. 230; перевод: «Какой литератор, ученый, будь то даже один из поэтов-санкюлотов 1793 года, не устыдится сегодня продавать свои почести, свою дань восхищения — за *штаны*? Острога ума, даже ума естественного, сегодня недостаточно, чтобы преуспеть: к нему нужно прибавить образование и умение говорить о самых серьезных вещах тоном приятным и легким. Итак, больше нет *салонов*; но есть литературные кружки, которые носят различные имена».

Non, imbéciles, non, crétins et goîtreux que vous êtes, un livre ne fait pas de la soupe à la gélatine; — un roman n'est pas une paire de bottes sans couture; un sonnet, une seringue à jet continu; un drame n'est pas un chemin de fer, toutes choses essentiellement civilisantes, et faisant marcher l'humanité dans la voie du progrès. <...> *On ne se fait pas un bonnet de coton d'une métonymie, on ne chausse pas une comparaison en guise de pantoufle; on ne se peut servir d'une antithèse pour parapluie; malheureusement, on ne saurait se plaquer sur le ventre quelques rimes bariolées en manière de gilet. J'ai la conviction intime qu'une ode est un vêtement trop léger pour l'hiver, et qu'on ne serait pas mieux habillé avec la strophe, l'antistrophe et l'épode...*³¹

Здесь, разумеется, речь может идти только о типологическом (идеологическом) сходстве, причем в случае эпиграфа к первой главе «Египетских ночей» «парнасский» мотив является явно приглушенным, скорее потенциальным, представленным как один из идеологических «голосов» в творчестве Пушкина 1820—1830-х годов (слова Поэта в стихотворении «Поэт и чернь» 1828 года, стихотворение импровизатора о свободе творческого воображения, — написанное по заказу Чарского).

Так или иначе, но старую иноязычную остроту с многочисленными историко-культурными коннотациями (образ бедного и хвастливого итальянского исполнителя, культура патронажа, метонимически представляемая мотивом коротких «элитных» штанов, идеологический контекст французского салона и выросшей из него, как из коротких штанишек, новой идентичности литератора-интеллекта и т. д.) Пушкин переносит в новую среду — русского светского общества 1830-х годов. Эта среда одновременно наследует западной традиции и «корректирует» (по крайней мере в восприятии Чарского) последнюю.

---

³¹ *Gauthier T. Mademoiselle de Maupin: double amour. Bruxelles, 1837. Vol. 1. P. 37—38 (курсив мой. — И. В.); перевод: «Нет, болваны, нет, надувшиеся кретины, книга не желатин, и из нее супа не сварить, из романа не скройшь пары сапог, из сонета не смастеришь клистира; драма не железная дорога, хотя все это — вещи весьма полезные и двигающие человечество по пути прогресса. <...> Из метонимии не сошьешь ночного колпака, из сравнения не сделаешь домашних туфель, антитезу не используешь в качестве зонтика и, к сожалению, из звонких рифм не выкроишь жилета. Я глубоко убежден, что ода — плохая одежда на случай зимних холодов и что точно так же не одеться в строфы, антистрофы и эподы...» (Готье Т. Путешествие в Россию / Пер. с франц. и коммент. Н. В. Шапошниковой. М., 1998. С. 6).*

В то же время старая французская шутка, ставшая для Пушкина материалом в прямом смысле слова, подвергается в эпиграфе элегантно и значимой переработке. Практически во всех ее бесчисленных употреблениях на Западе острота о кюлотах представляет собой *ответ* остроумца заносчивому и забывшему о социальной иерархии музыканту-голодранцу (то есть цель этой остроты в том, чтобы прилюдно «срезать» и высмеять хвастуна-нищелюба; в некоторых вариантах остроты говорится о том, что последний в итоге испытал стыд). В роли такого судьбы-остроумца выступали здравомыслящий персонаж итальянской комедии масок, знаменитый композитор и законодатель музыкального искусства, профессиональная английская певица или французский маркиз-острослов. Совершенно иначе эта шутка представлена в пушкинском эпиграфе, удачно названном Дэвидом Херманом «микрокосмос» всей повести.³²

В отличие от словарного источника-«инварианта» остроты, который приводит в своей работе Добрицын, в этом эпиграфе представлен маленький динамичный диалог между восторженной светской дамой и ее насмешливым собеседником о неизвестном нам посетителе салона, завершающийся пуантом. Иначе говоря, перед нами «анонимная» сценка или «подслушанный» мимолетный разговор об артисте (заметим, что сценический характер этого эпиграфа был представлен в его первоначальном варианте с помощью разбивки на реплики:

Madame

На, c'est un grand talent, il fait de sa voix tout ce qu'il veut.

Monsieur

Il devrait bien s'en faire une culotte (VIII, 839).

³² Херман подчеркивает амбивалентность пушкинского эпиграфа: «бедняк смешон с аристократической точки зрения»; тот, кто слишком беден, чтобы иметь «une culotte», конечно, является санкюлотом, вооруженным врагом («the arms-bearing enemy») всех аристократий и социальных разграничений. Этот смешной человек может быть вовсе не смешон. Наконец, по мнению исследователя, есть еще один вариант прочтения этого эпиграфа — на этот раз в контексте русской литературы: человек, который «fait de sa voix tout ce qu'il veut», — это сам Пушкин, который способен овладеть любой поэтической формой, но тем не менее постоянно испытывает материальные трудности (см.: *Herman D. Poverty of the Imagination: Nineteenth-Century Russian Literature about the Poor*. Evanston (IL), 2001. P. 63–64).

Смысл этого эпиграфа (в контексте пушкинской повести) не столько в сатире на бедного исполнителя, приехавшего «заработать себе “на штаны” с помощью своего таланта»,³³ сколько в воспроизведении мнения (мнений) о нем предвзятой светской публики и привлечении читательского интереса к его образу (“*Quel est cet homme?*”)³⁴ и «проблеме» в последующем повествовании (восходящий к «Моцарту и Сальери» романтический парадокс смешного гения, дара и фиглярства). Более того, сжатый в микродиалог старомодный анекдот (юмор здесь, как мы видели, в самом деле достоин «старых обезьян хваленых дедовских времен»!) иронически остраниается автором, превращаясь в своего рода шутку над шуткой. Наконец, если допустить игривую фонетическую переключку язвительного замечания Monsieur «*Il devrait bien s'en faire une culotte*» с гривуазным «*se faire enculer*», то это замечание можно понять и как совершенно неприличное в разговоре с дамой пожелание «большому таланту» засунуть свой могучий голос себе в задницу.

Здесь, кстати сказать, самое время и место обратить внимание на характерный для использованной Пушкиным традиции комический (низкий) и скандальный оттенок, неизменно сопровождавший слово «штаны» («панталоны» или «кюлоты», этимологически связанные с французским словом «зад»)³⁵. В письме к А. А. Бестужев-

³³ См.: Добрицын А. Вечный жанр. С. 495.

³⁴ Схожую функцию выполняет эпиграф из Княжнина к первой главе «Капитанской дочки»: «— Был бы гвардии он завтра ж капитан. / — Того не надобно; пусть в армии послужит. / — Изрядно сказано! пускай его потужит... / ..... / Да кто его отец?» (VIII, 279).

³⁵ Ср. ссылку на французский исторический анекдот в «Духе госпожи Жанлис» (1881) Н. С. Лескова: «Увлекаясь, я произнес не только целую критику над ложным пуризмом, но и привел известный анекдот о французской даме, которая не могла ни написать, ни выговорить слова “culotte”, но зато, когда ей однажды неизбежно пришлось выговорить это слово при королеве, она запнулась и тем заставила всех расхохотаться» (Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. М., 1958. Т. 7. С. 86). Лесков здесь пересказывает известный исторический анекдот «Culotte» о Madame de X***, давшей обет никогда не произносить слово «кюлоты» в обществе (см.: Larcher L.-J. Dictionnaire d'anecdotes sur les femmes. Paris, 1861. P. 56—57). В русской литературе подобный провокативно-комический оттенок постоянно сопровождал слова «панталоны» и «штаны». Его «унаследовали» и авторы XX века — от Маяковского («Облако в штанах») до Ильфа и Петрова («ШТАНОВ НЕТ. — Фу, как грубо, — сказал Остап, входя, — сразу видно, что провинция. Написала бы, как пишут в Москве: “Брюк нет”, прилично и благородно» — Ильф И., Петров Е. Собр. соч.: В 4 т. Петрозаводск; М., 1994. Т. 2. С. 71). Попутно выскажем осторожную гипотезу, что пушкинский эпиграф к первой главе «Египетских ночей» преломился в образе нарушителя конвенции, странствующего жулика Паниковского: «По аллее, в тени августейших лип, склонясь немного набок, двигался немолодой уже гражданин. Твердая соломенная

ву от 13 июня 1823 года из Кишинева поэт признавался, что не знает «ничего забавнее обращения поэта к порткам» в поэме Василия Майкова «Елисей, или Раздраженный Вахк»:

Я мню и о тебе, исподняя одежда,
Что и тебе спастись худа была надежда!³⁶ —

а также слов о любовнице Елисея, «которая сожигает его штаны в печи», тем самым уподобляясь вергилиевской Дидоне (XIII, 64). «Штаны» для Пушкина являются смешным словом (и прозаической вещью) — материалом для неприличных шуток, каламбуров (ср. французскую подпись к карикатуре на Дегильи³⁷ и шуточную отсылку в «Евгении Онегине» к слову «панталоны», эквивалент которого отсутствует в русском языке³⁸) и эксцентричного поведения. Сохранились воспоминания кишиневского знакомца поэта А. М. Фадеева (переданные со слов жены последнего, урожденной княжны Долгорукой) об одной светской вечеринке в Екатеринославе:

Собрались гости, явился и Пушкин и с первых же минут своего появления привел все общество в большое замешательство необыкновенной эксцентричностью своего костюма: *он был в кисейных панталонах, прозрачных, без всякого исподнего белья!* Жена губернатора г-жа Шемиот, рожденная княжна Гедроиц, старая приятельница матери моей жены, чрезвычайно близорукая, одна не замечала этой странности. Здесь же присутствовали три дочери ее, молодые девушки. Жена моя потихоньку посоветовала ей удалить

шляпа с рубчатými краями боком сидела на его голове. *Брюки были настолько коротки, что обнажали белые завязки кальсон.* Под усами гражданина, подобно огоньку папиросы, пылал золотой зуб. — Как, еще один сын? — сказал Остап. — Это становится забавным» (Там же. С. 18). Представлена у Ильфа и Петрова и «романтическая» сторона «кюлотной» темы — мечта импровизатора-плебея об «аристократических» штанах («белые штаны» как фетиш Остапа Бендера).

³⁶ Ср.: Майков В. И. Избранные произведения. М.; Л., 1966. С. 115. («Б-ка поэта». Большая сер.).

³⁷ См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 17 т. М., 1996. Т. 18 (доп.). С. 198, 549.

³⁸ См. анализ политических и культурно-лингвистических коннотаций концепта «панталоны» в русской культуре первой четверти XIX века: Проскурин О. А. Что скрывалось под панталонами: (Корреляция «мода — язык» в «Евгении Онегине» и ее культурный контекст) // Проскурин О. А. Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест. М., 1999. С. 301—347. Проскурин интерпретирует шутку о слове панталоны в «Евгении Онегине» как идеологически насыщенную реплику в давнем споре о старом и новом слоге русского литературного языка.

барышень из гостиной, объяснив необходимость этого удаления. Г-жа Шемиот, не доверяя ей и не допуская возможности такого неприличия, уверяла, что у Пушкина просто летние панталоны, бланжеваго телеснаго цвета; наконец, вооружившись лорнетом, она удостоверилась в горькой истине и немедленно выпроводила дочерей из комнаты. <...> Пушкину его проделка сошла благополучно³⁹.

Олег Проскурин справедливо усматривает в этом рассказе (вне зависимости от его степени достоверности) «свидетельство того, что молодой Пушкин довел почти до пародийного заострения тенденции, реально заложенные в тогдашней мужской моде, и, так сказать, “обнажил” тот момент сексуальности, который действительно присутствовал в самой идее панталонов».⁴⁰ К этому заключению можно добавить, что, по всей видимости, эксцентрический поступок молодого поэта, оставивший неизгладимый след в памяти Елены Фадеевой (Долгорукой) и ее мужа, представляет собой не что иное, как поведенческую, дендистскую, «цитату».⁴¹ Так, последователь знаменитого красавчика Бреммеля лорд Питершем в свое время скандализировал светское общество тем, что появлялся на *soirées* в подчеркивавших красоту его ног и других частей тела панталонах телесно-розового цвета без исподнего — весь «как из ванны».⁴² Кстати сказать, одним из главных достижений Питершема, по мнению историков мужской моды, была осуществленная им «революция панталон» — изобретение привычных нам штанов (*trousers*), сменивших короткие штанишки и узкие панталоны предыдущих эпох.

Наконец, как указывает историк костюма Р. М. Кирсанова, с 1830-х годов кюлоты «стали униформой лакеев, слуг в богатых домах»⁴³. Иначе говоря, упоминание «culotte» в конце (пуанте) пушкинского эпиграфа не только носит шутивно-эпатажный характер (штаны у него, можно сказать, всегда пахнут скандалом), но и ука-

³⁹ Фадеев А. М. Воспоминания // Русский архив. 1891. Кн. 1, № 3. С. 400; курсив мой — И. В.

⁴⁰ Проскурин О. А. Что скрывалось под панталонами. С. 327—328. Не из этой ли истории, восходящей к дендистской традиции облегающих кисейных панталон телесного цвета, подчеркивающих контур ног, растут скандальные «тонкие эротические ножки», на которых Пушкин, по Абраму Терцу, ворвался в русскую поэзию?

⁴¹ Напомним, что дендистская тема в повести связана с образом поэта-аристократа Чарского.

⁴² См.: *Horne R. H. By-gone celebrities of Bond Street, London* // Harper's New Monthly Magazine. 1871. Vol. 43. P. 755.

⁴³ Кирсанова Р. М. Костюм в русской художественной культуре 18 — первой половины 20 в. С. 149.

зывает, помимо прочего, на давно отжившую (затхлую) дворянскую моду на кюлоты и ее нынешнюю лакейскую ипостась в контексте «брючных» 1830-х годов.

В заключение рискнем высказать предположение, что у этого «микродраматического» эпитафия к первой главе «Египетских ночей» мог быть помимо «словарного» еще один продуктивный источник, подчеркивающий социально-культурный аспект выстраиваемой Пушкиным в повести коллизии.

В 1794 году анекдот о бедном музыканте с богатым голосом был развернут в целую пьеску, включенную в язвительную рецензию на восходящую к традиции *commedia dell'arte* пьесу Лаззари «Зороастр или Арлекин волшебник, итальянская картина в трех действиях» («*Zoroastre ou Arlequin magicien, canevas italien en 3 actes*»), вышедший в авторитетном брюссельском «Духе французских и зарубежных журналов» («*L'Esprit des journaux français et étrangers*»).⁴⁴ Приведем этот фрагмент полностью (интересующая нас острота выделена в тексте жирным шрифтом):

Un *bravissimô* d'Italie, dont les talens étoient infiniment plus brillans que son costume, fut recommandé il y a quelque tems à un négociant de Paris par un de ses correspondans ultramontains. Le *virtuoso* se présenta & fut retenu à dîner. Au dessert on le pria de chanter pour enchanter la compagnie; il se rendit au désir de ses hôtes, & quand il eut fini, tout le monde commença d'admirer & de lui faire compliment. La fumée des louanges fut un peu forte, & enivra notre artiste. *Ha monsiou, ha madama, ha madamigella*, s'écria-t-il en se rengorgeant & saluant de tous les côtés, *vous êtes bien bons, ma ça n'est pas pour dire, je fais de ma voix tout ce que je veux*. En prononçant ces derniers mots, il s'inclina si profondément qu'il acheva de déchirer le derriere de sa pauvre culotte noire. "*Oh! mon Dieu!*" dit alors avec les accens de la douleur & de l'ingénuité une jeune personne qui s'en aperçut: ***Papa, le signor dit qu'il fait de sa voix tout ce qu'il veut; pourquoi n'en a-t-il pas fait une culotte?*** Le signor fut déconcerté; le papa & la compagnie firent tout ce qu'ils purent pour ne pas rire, la jeune personne ne comprit rien à tout cela...⁴⁵

⁴⁴ *L'Esprit des journaux français et étrangers*. 1794. Т. 240. Р. 312—313; этот же текст ранее был напечатан в «*Journal des spectacles*» (1793. № 98. Octobre. Р. 779).

⁴⁵ Перевод: «Один обласканный публикой певец из Италии, сила таланта которого явно превосходила прочность его костюма, был не так давно рекомендован одному парижскому негодянту его корреспондентом-ультрамонтаном.

Как видим, старинный анекдот рассказывается здесь как реальная история, случившаяся недавно с одним итальянским виртуозом, приглашенным в богатый столичный дом по рекомендации и наказанным за свою хвастливость. Салонное остроумие представлено здесь как остроумие сословное (в данном контексте буржуазное), прилюдно ставящее на место бесштанного тщеславного артиста, превращаемого (как и заложено в памяти этой итальянской по происхождению комедийной традиции) в буффона-шута, причем само насмешливое наблюдение очевидца («святая простота» ребенка), как и в «Египетских ночах», обращено здесь не непосредственно к осмеиваемому исполнителю, а к третьему лицу (по сути дела, к публике). Наконец, только в этой версии анекдота представлены слова, целиком повторенные в пушкинском эпиграфе: «Papa, le signor dit qu'il fait de sa voix tout ce qu'il veut» (у Пушкина: «il fait de sa voix tout ce qu'il veut»: «из своего голоса / со своим голосом он делает все, что захочет»). Следует заметить и некоторое интонационное сходство между этой версией анекдота и пушкинским эпиграфом («*Ha monsiou, ha madama, ha madamigella*» — “На c'est un bien grand talent”).

Не стала ли эта комическая сценка, близкая по стилю и коллизии к пушкинским «Египетским ночам», одним из прообразов самой повести? Не был ли анекдот о заезде итальянском *bravissimo* в Париже известен Пушкину из какого-либо другого источника? Увы, положительно ответить на эти вопросы мы не можем, но едва ли ошибемся, если заключим, что сюжетная канва незаконченной светской повести Пушкина представляет собой своего рода романтическую импровизацию на «итальянскую» тему, заданную галантной (и социально предвзятой) французской шуткой, вводящей в повествование сжатую в три реплики историко-идеологическую

Виртуоз явился к нему домой и был приглашен остаться на ужин. За десертом его попросили что-то исполнить, дабы сердца собравшихся могли исполниться восторгом; он уступил желанию хозяев, а когда закончил пение, все принялись восхвалять его и им восхищаться. Фимиаи курили столь обильно, что у нашего артиста слегка закружилась голова. “Монсиу, мадама, мадамичелла, — вскричал он, выпятив грудь и раскланиваясь во все стороны. — Вы так добры, ваши комплименты воистину мною заслужены, ибо способен сделать со своим голосом все, что пожелаю”. Произнеся эти последние слова, он так низко склонился в поклоне, что его выдавшие виды черные кюлоты лопнули по шву. “О Боже, — простодушно воскликнула тогда с оттенком сострадания заметившая это отроковица. — Папенька, синьор говорит, что он способен сделать со своим голосом все, что пожелает, почему же он не попросил его сделать себе хорошие кюлоты?” Синьор пришел в замешательство; папенька и гости сдерживались изо всех сил, дабы не рассмеяться, а юное создание так ничего и не поняло» (пер. Марианны Таймановой).

традицию, восходящую к старинной комедии масок, подобно тому как описание портрета графини в молодости вносит в современный мир «Пиковой дамы» тему и проблематику давнего, но все еще живого и действующего прошлого.⁴⁶

* * *

Виктор Шкловский когда-то заметил, что «история штанов, если ее взять научно, может дать для кинематографии больше материала, чем все Дороти Вернон».⁴⁷ Мы полагаем, что открывающая «Египетские ночи» пушкинская острота не только преломляет западную «трикотажную» традицию, но и вполне годится для эпитафии к русской литературной «истории штанов» в целом — от М. В. Ломоносова («О страх! о ужас! гром! ты дернул за штаны...», 1752) и Василия Майкова до А. К. Толстого («Сон Попова», 1873), М. Е. Салтыкова-Щедрина («Мальчик в штанах и мальчик без штанов», 1880—1881), Саши Черного, Вадима Шершеневича, Владимира Маяковского, Велимира Хлебникова, Осипа Мандельштама⁴⁸ и, в более позднее время, скажем, Дмитрия Быкова.

⁴⁶ См.: Golburt L. The First Epoch: The Eighteenth Century and the Russian Cultural Imagination. Madison (WI), 2014. P. 205—238. По остроумной догадке Вс. Зельченко, высказанной в Живом Журнале в 2006 г., острота о голосе могла ассоциироваться Пушкиным и с обратившим на себя его внимание в начале 1830-х годов анекдотом Плутарха о спартанце, который, ошипав соловья и обнаружив в нем мало мяса, сказал: «Да ты просто голос и ничего более». См.: <https://zelchenko.livejournal.com/24489.html> (обращение 12.08.2020).

⁴⁷ Шкловский В. Б. Нечто вроде декларации // Шкловский В. Б. За 60 лет: Работы о кино. М., 1985. С. 47 (впервые: Советский экран. 1926. № 6). Александр Бахрах вспоминал о том, что в Берлине Шкловский предлагал ему «сообща составить» «историю штанов» «и для этого неосуществленного труда написал довольно подробный конспект, который не раз нами обсуждался». Проект не был осуществлен по «независящим от редакции обстоятельствам»: «Шкловский в конце концов получил долгожданную визу и уехал в восточном направлении, я в западном» (Бахрах А. В. По памяти, по запискам... // Мосты. 1965. № 11. С. 249). Упоминающаяся в приведенной выше цитате из Шкловского Дороти Вернон — героиня известного псевдоисторического немого фильма 1924 года о временах Елизаветы и Марии Стюарт «Дороти Вернон из Хеддон-холла» («Dorothy Vernon of Haddon Hall», 1924. реж. М. Нейелан), которую играла Мэри Пикфорд (в советский прокат вышла 5 мая 1925 года под названием «Доротти Вернон» или «Рифы жизни» — «лучшая лента мира»).

⁴⁸ Ср. пушкинианский мотив комичных штанов гения в биографическом мифе Велимира Хлебникова. По воспоминаниям художника Бориса Косарева, во время Гражданской войны поэт «ходил в штанах, сшитых из мешковины», а так как «мешковина — материал непрочный, то они постоянно расползались», и «Хлебников, у которого не было иголки, стягивал прорехи шпагатом, просовывая его сквозь переплетения волокон», но это помогало мало. Однажды в Харькове шта-

Вообще русские писатели (и их исследователи) хорошо умеют кроить с помощью своих голосов (и дискурсов) причудливые кюлоты из смеси французского с нижегородским.

Илья Винуцкий

ДВА КОММЕНТАРИЯ К «ПУТЕШЕСТВИЮ В АРЗРУМ»

1. Мнимый гермафродит

Тут узнали мы, что между пленниками находится гермафродит. Раевский, по просьбе моей, велел его привести. Я увидел высокого, довольно толстого мужика, с лицом старой курносой чухонки. Мы осмотрели его в присутствии лекаря. Erat vir, matmosus ut femina, habebat testiculos non evolutos, penem que parvum et puerilem. Quaerebamus, sit ne exsectus? — Deus, respondit, castravit me. [Это был мужчина с большими грудями, как у женщины, с неразвитыми тестикулами и маленьким пенисом, как у ребенка. Мы спросили, не был ли он кастрирован. Бог, отвечал он, меня оскопил (лат.)] Сия болезнь, известная Ипократу, по свидетельству путешественников, встречается часто у кочующих

ны Хлебникова «расползлись в очередной раз, и он шел по улице, придерживая их в самом интимном месте пятерней». «Вдруг его останавливает “вольноопределяющийся”: “Стой! Кто такой? Документы!” Хлебников, держась за мотню, лезет свободной рукой за пазуху и после долгих поисков выуживает четыре клочка бумаги — порвавшееся на сгибах удостоверение, выданное ему Всероссийским Союзом поэтов. Деникинец изучает этот “документ” и, окончательно уверившись в подозрительности стоящего перед ним субъекта, грозно спрашивает: “Где живешь?”» и т. д. (Яськов В. Г. Борис Косарев о Велимире Хлебникове в Харькове летом 1919 года — <https://ka2.ru/hadisy/jaskov.html>; обращение 5.08.2020). Тема штанов гения преломляется и в биографической легенде «человека эпохи Москошвея» О. Э. Мандельштама: «Что касается штанов, слишком коротких, из тонкой коричневой ткани в полоску, то таких штанов не бывает. Эту штуку жене выдали на платье» (цит. по: Гинзбург Л. О старом и новом: Статьи и очерки. Л., 1982. С. 413). Известна и другая история о штанах нищего Мандельштама, полученных в подарок от Гумилева («друга») после того, как А. М. Горький («патрон»), вычеркнул брюки из вещей, полагавшихся поэту как члену Союза поэтов («свитер выдал, а штаны собственной рукой вычеркнул») (см.: Мандельштам Н. Я. Собр. соч.: В 2 т. Екатеринбург, 2014. Т. 2. С. 88).